

УКД 821.161.1

МОТИВЫ ЭМАНСИПАЦИИ В ОБРАЗЕ ТУРГЕНЕВСКОЙ ДЕВУШКИ

Свешникова Ю. С.

научный руководитель доц., канд. филол. наук Васильев В. К.

Сибирский Федеральный Университет

«Степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации»

Ш. Фурье

«Блестящее будущее за тем народом, который поставит женщину не только наравне с мужчиной, а выше его»

И. С. Тургенев

Нашей целью является выявление мотивных составляющих образа «тургеневской девушки». Для этого мы рассмотрим образы конкретных героинь в следующих произведениях писателя: романы «Рудин», «Отцы и дети», «Новь», повесть «Переписка».

Проблема эмансипации женщины появляется в России в 30-40-е годы XIX века. Обратившись к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, мы найдем следующее определение понятия «эмансипация»: «освобождение от зависимости, подчиненности; полная воля, свобода» [1, стр. 664].

Женщина заявляет о своем праве любить того, кого велит ей сердце, отстаивает свои права в семье, а затем претендует на активное участие в общественной жизни. Освобождение от определенной роли (в данном случае речь идет о традиционной роли для женщины - хранительницы очага, жены, матери) и ряда стереотипов, свойственных женскому образу (мягкость, чувствительность, беспомощность) можно проследить в текстах И. С. Тургенева.

Уже в одной из ранних повестей И. С. Тургенева «Переписка» главная героиня – Марья Александровна – задается вопросом, что из себя представляет русская женщина/девушка? «Скажите мне — вы умный человек, — спросили ли вы себя когда-нибудь, что такое русская женщина? какая ее судьба, ее положение в свете — словом, что такое ее жизнь? <...> Вот в чем дело: вы со мной наверно согласитесь, что мы, женщины, по крайней мере те из нас, которые не удовлетворяются обыкновенными заботами домашней жизни, получаем свое окончательное образование всё-таки от вас — мужчин: вы на нас имеете сильное и большое влияние. Теперь посмотрите, что вы делаете с нами». [2, стр.28] А далее Марья Александровна делает вывод, который подтвердят «тургеневские» девушки своей судьбой: «...большей частью девушка, у которой, на ее беду, мысль зашевелилась в голове, эта девушка, начав любить, подпав под влияние мужчины, невольно отделяется от своей семьи, от знакомых. Она и прежде не удовлетворялась их жизнью, однако шла рядом с ними, сохраняя в душе все свои заветные тайны... Но разрыв скоро делается видимым... Они перестают ее понимать, готовы заподозрить каждое ее движение... Сперва ей до этого дела нет, но потом, потом... когда она остается одна, когда то, к чему она стремилась и для чего она пожертвовала всем, когда ей небо не далось, а всё близкое, всё возможное удалилось — что ее поддержит? <...> ... что, скажите, что ее поддержит? Как не изнемогнуть в такой борьбе? как жить и продолжать жить в такой пустыне?» [2, стр. 30-31] Таким образом, уже в раннем творчестве Тургенев определил путь своих героинь.

Любопытно повествование Марьи Александровны о самой себе в девятом письме: «...меня во всем околотке иначе не называют как философкой; особенно дамы меня величают этим именем. Иные утверждают, что я сплю с латинской книгой в руках и в очках; другие — что я умею извлекать какие-то кубические корни; ни одна из них не сомневается в том, что я исподтишка ношу мужскую одежду и вместо «здравствуйте» отрывисто говорю: «Жорж Занд!» — и негодование на философку возрастает». [2, стр. 33] Марья Александровна – явление, несомненно, яркое и вызывающее интерес.

Бытовая обстановка, поведение – неотъемлемая часть характеристики героя. И. С. Тургенев не случайно дает описание комнаты, снабжая его важными для понимания образа деталями, еще одной «эмансипированной женщины» - Евдоксии Кукшиной. «Комната, в которой они очутились, походила скорее на рабочий кабинет, чем на гостиную. Бумаги, письма, толстые нумера русских журналов, большею частью неразрезанные, валялись по запыленным столам; везде белели разбросанные окурки папирос. На кожаном диване полулежала дама, еще молодая, белокурая, несколько растрепанная, в шелковом, не совсем опрятном, платье, с крупными браслетами на коротеньких руках и кружевною косынкой на голове» [3, стр. 61] Яркий (хотя и пародийный) образ Кукшиной, чьей страстью является химия, дает представление о женщине нового типа, «чудачке», с собственными взглядами на общественные явления. «Вы, говорят, опять стали хвалить Жорж Санда. Отсталая женщина и больше ничего! Как возможно сравнить ее с Эмерсоном! Она никаких идей не имеет ни о воспитании, ни о физиологии, ни о чем. Она, я уверена, и не слыхивала об эмбриологии, а в наше время — как вы хотите без этого? (Евдоксия даже руки расставила.) Ах, какую удивительную статью по этому поводу написал Елисевич! Это гениальный господин!» [3, стр. 63] Для эмансипированной героини характерно увлечение науками, передовыми идеями; вот что нам известно о дальнейшей судьбе Кукшиной: «Она теперь в Гейдельберге и изучает уже не естественные науки, но архитектуру, в которой, по ее словам, она открыла новые законы. Она по-прежнему яхшается с студентами, особенно с молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполнен Гейдельберг» [3, стр. 186]

Другой самобытный образ в прозе И. С. Тургенева – Фекла Машурина из романа «Новь». Читатель знакомится с ней буквально с первых страниц романа: «Возле стола сидела женщина лет тридцати, простоволосая, в черном шерстяном платье, и курила папироску. Увидев вошедшего Остродумова, она молча подала ему свою широкую красную руку. <...> Машурина дала ему огня — он закурил, и оба, не говоря ни слова и даже не меняясь взглядами, принялись пускать струйки синеватого дыма в тусклый воздух комнаты, уже без того достаточно пропитанный им». [4, стр. 134] Примечательно, что Тургенев делает своих героинь внешне непривлекательными: «простоволосая», с «маленькими некрасивыми глазами», «широкой красной рукой» Машурина, или, к примеру, описание Натальи Ласунской – «Дочь Дарьи Михайловны, Наталья Алексеевна, с первого взгляда могла не понравиться. Она еще не успела развиться, была худа, смугла, держалась немного сутуловато. Но черты ее лица были красивы и правильны, хотя слишком велики для семнадцатилетней девушки». [2, стр. 238]

Тургеневские девушки всегда необычны и поразительны. Яркий тому пример – Марианна, героиня «Нови». Тургенев рисует читателю ее портрет: «... Марианна могла казаться почти «дурнушкой». Лицо она имела круглое, нос большой, орлиный, серые, тоже большие и очень светлые глаза, тонкие брови, тонкие губы. Она стригла свои русые густые волосы и смотрела букой. Но от всего ее существа *веяло чем-то сильным и смелым, чем-то стремительным и страстным*». [4, стр. 164] Марианна также обладает характеристиками, свойственными для девушки-эмансипе: внешность, не отличающаяся красотой, коротко стриженные волосы (прическа, явно неподходящая для женщин того времени), взгляды и убеждения, которые столь сильно выделяют Марианну из ее окружения, увлечение науками, передовыми идеями («Слава богу, Марианна у меня еще очков не носит, — вмешалась Сипягина, — и с воротничками и с рукавчиками пока еще не рассталась; зато естественными науками, к искреннему моему сожалению, занимается; и женским вопросом интересуется тоже...») [4, стр. 165-166] Как и Марья Александровна, она «чудачка», «философка»; «странная девушка» - думает о ней Нежданов. Но Марианна несчастна не только потому, что не принята обществом, но и потому, что оказалась «чужой» в семье. «Положение Синецкой в доме Сипягиных было довольно тяжелое. <...> ... жить в зависимости было ей тошно; она

рвалась на волю всеми силами неподатливой души — и между ее теткою и ею кипела постоянная, хотя скрытая борьба. Сипягина считала ее нигилисткой и безбожницей; с своей стороны, Марианна ненавидела в Сипягиной свою невольную притеснительницу. Дяди она чуждалась, как и всех других людей. Она именно чуждалась их, а не боялась; нрав у нее был не робкий». [4, стр. 164-165]

Тягостное положение в семье, неприятие навязанной роли (роли типичной, традиционной), вынужденное одиночество тургеневских героинь делают неизбежным их разлад (а после и разрыв) с семьей, с домом. Немаловажное значение играет и характеристика родителей. Если тургеневские девушки жаждут деятельности, подвига, обращены к жизни (Елена Стахова, Марианна), то такие героини, как Дарья Михайловна Ласунская, Сипягина, как правило, сосредоточены на себе и собственных интересах.

Наталья Ласунская и ее мать, Дарья Михайловна, явно противопоставлены друг другу. Если Наталья «говорила мало, слушала и глядела внимательно, почти пристально» [2, стр. 238], то Дарья Михайловна, в противоположность ей, «говорила небрежно, слушала рассеянно» [2, стр. 230]. Она изображена как человек, целиком занятый собой. «Впрочем, Дарья Михайловна скоро перестала его расспрашивать: она начала ему рассказывать о себе, о своей молодости, о людях, с которыми она зналась. <...> Судя по рассказам Дарьи Михайловны, можно было подумать, что все замечательные люди последнего двадцатипятилетия только о том и мечтали, как бы повидаться с ней, как бы заслужить ее расположение. <...> Она говорила о них, и, как богатая оправа вокруг драгоценного камня, имена их ложились блестящей каймой вокруг главного имени — вокруг Дарьи Михайловны...» [2, стр. 230-231] В другом месте Лежнев говорит о Дарье Михайловне: «Дарья Михайловна, во-первых, эгоистка и живет для себя» [2, стр. 252]

Эгоисткой предстает и Валентина Михайловна Сипягина. Достаточно вспомнить сцену с ландышами и слова Сипягиной: «Скажи тетушке, чтобы она послала за ландышами к садовнику; а эти ландыши — мои... Я не хочу, чтобы их трогали. Скажи ей, что я не люблю, чтобы нарушались мои порядки». [4, стр. 159] Неудивительно, что Сипягина не одобряет образ действий, поведение смелой, страстной, стремительной Марианны. «Эти две женщины не любили друг друга». [4, стр. 164] Появление Нежданова лишь усиливает борьбу, завязавшуюся между Сипягиной и Марианной. Валентина Михайловна «старалась приручить Нежданова, возбудить в нем доверие к ней, заставить его перестать дичиться» [4, стр. 203], «она беседовала с Неждановым и всячески старалась покорить его себе “под но́зи”». [4, стр. 205] Однако Марианна уходит из дома Сипягиных вместе с Неждановым, оставшись победительницей в борьбе с Валентиной Михайловной.

Таким образом, для героини характерен отказ от традиционного представления о роли женщины как в общественной жизни, так и в быту. Идея о том, что женщине нужны лишь «муж, дети, горшок щей; за мужем и детьми ухаживать, а за горшком наблюдать» предстает как предрассудок. [2, стр. 34] «Пусть зовут меня философкой, чудачкой, чем угодно — я останусь до конца верна... чему? идеалу, что ли? Да, идеалу». [2, стр. 34]. Последняя фраза Марьи Александровны вполне могла быть произнесена и Марианной, и Еленой Стаховой, и Натальей Ласунской. Героиня, чьи взгляды кажутся окружающим «чуждачеством», как правило, увлечена естественными науками (Кукшина, Марианна), новыми книгами (прежде всего, романами Жорж Санд), передовыми социальными идеями. Эти увлечения, нежелание мириться с традиционной ролью делает неизбежным разлад с семьей, обществом и поиск «родственной души» (Елена Стахова и Инсаров, Марианна и Нежданов). Это образ яркий и запоминающийся, резко отличающийся от остальных женских тургеневских образов даже на уровне не свойственных женщинам середины XIX века привычек (курение, увлечение вином), описания внешнего вида (короткая стрижка, неприметная и неопрятная одежда),

развязность поведения (Кукшина). В историях названных героинь Тургенев описывает процесс эмансипации и дает ему, как мы видим, весьма неоднозначные оценки.

Список литературы:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 4 – СПб.: Диамант, 1996. – 780 с.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 5. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1980. – 543 с.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 7. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1981. – 559 с.
4. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 9. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1982. – 575 с.